

Zygmunt Zbyrowski

Европейские связи Бориса Пастернака

Acta Polono-Ruthenica 16, 277-284

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Zygmunt Zbyrowski
Warszawa

Европейские связи Бориса Пастернака

В семье Пастернаков были традиции контактов с Западной Европой. Там проживали их родственники. Родители Бориса учились, мать музыке в Вене с 1882 до 1886, где тоже выступала в концертах (например, в Вене в 1885 г.¹), отец живописи в Мюнхене с 1883 до 1885 г.² У них были знакомые в европейских художественных кругах. С ними поддерживались связи. Отец участвовал в выставках, посещал западные музеи и галереи³. В 1904 г. он готовил и представлял отдел современной русской живописи и скульптуры на всемирной выставке в Дюссельдорфе⁴. Разнообразные контакты усиливались во время многомесячных поездок и пребывания семьи в Германии и особенно после эмиграции родителей и сестер писателя в 1921 г.

Таким образом будущий писатель уже в детстве и юности привык к общению с Европой и элитарной европейской культурой. Способствовало этому знание языков, прежде всего немецкого, но тоже английского и французского. И он успешно продолжал и развивал семейные традиции связей с Западной Европой и ее культурой. При этом надо учитывать, что после революции это было сложно, трудно, а иногда и опасно. Нередко контакты требовали больших усилий всех заинтересованных.

Говоря о связях Бориса Пастернака с Европой следует учитывать их разные проявления. Можно их разделить на жизненные и творческие. Прежде всего это личное знакомство, связанное с пребыванием в разных западных странах и отношения с видными европейскими художниками, встречи и переписка с ними. Творческие связи проявлялись в европейской тематике в творчестве поэта, в его переводах и высказываниях о западной культуре, но тоже в интересе к его творчеству на Западе.

¹ Z. Zbyrowski, *Borys Pasternak. Życie i twórczość*, Bydgoszcz 1996, s. 15.

² Ibidem, s. 14.

³ Е. Пастернак, *Борис Пастернак. Материалы для биографии*, Москва 1989, с. 88–90, 94–95. Дальше все ссылки даются по этому изданию с указанием в тексте *Материалы...* и страница.

⁴ Z. Zbyrowski, *Borys Pasternak...*, s. 21.

В связи с революцией 1905 г. и студенческими волнениями занятия в Московской Школе Живописи Ваяния и Зодчества, в которой преподавал Леонид Осипович Пастернак, были на несколько месяцев прерваны и Пастернаки решили воспользоваться свободным временем и посетить Германию. Всей семьей отправились в Берлин, где пробыли с конца декабря 1905 до середины августа 1906 г. Там завязали знакомства с местными художественными кругами, посещали концерты и музеи. Тоже 15-летний Борис с увлечением знакомился с немецкой культурой. В июне 1906 г. из Берлина уехали отдыхать на остров Рюген на берегу Балтики.

Спустя несколько лет, в 1912 г., Пастернак, будучи студентом философии Московского университета, уехал на летний семестр (с апреля до августа) учиться в Марбург⁵. Этот небольшой немецкий город славился великолепной культурной и научной традицией и современной неокантиантской философской школой, возглавляемой Германом Когеном⁶. Пастернак познакомился там с преподавателями, известными современными немецкими философами (Когеном, Гартманом, Наторпом), с успехом выступал в семинарах с докладами, писал стихи, пережил неудачное объяснение в любви⁷. Сопровождал своего отца в посещении известной, богатой галереи живописи в Кассель. Родители с детьми тоже в это время пребывали в Германии. Об учебе в Марбурге он подробно рассказал в *Охранной грамоте*⁸.

Перед возвращением в Москву он посетил Италию. Знакомство с Венецией, ее архитектурой, богатством ее живописи было для него сильным переживанием, расширило и углубило его знание сокровищ европейского искусства (*Охранная...*, с. 241–254).

В середине сентября 1921 г. родители с сестрами уехали в Германию. Предлогом была необходимость лечения матери в немецких курортах. Это не была политическая эмиграция. До второй половины тридцатых годов родители думали о возвращении в советскую Россию. После прихода

⁵ *Марбург Б. Пастернака*, составл. и вступ. ст. Е.Л. Кудрявцевой, Москва 2001; G. de Mallac, *Pasternak and Marburg*, „The Russian Revue”, October 1979, vol. 38, № 4, с. 421–433.

⁶ A. Rammelmayer, *Die Philipps-Universität zu Marburg in der russischen Geistesgeschichte und schönen Literatur*, „Mitteilungen Universitätsbund Marburg”, 1957, Heft 2–3, с. 70–93.

⁷ В. Эрлих, „Страсти разряды”. *Заметки о „Марбурге”*, [в:] *Б. Пастернак 1890–1960*, Париж 1979, с. 281–288; S. Schwarzband, *Pasternak's „Marburg”*. *On the Evolution of Poetic Structures*, „Scottish Slavonic Review”, 1987, 8, с. 57–74.

⁸ Б. Пастернак, *Охранная грамота*, [в:] idem, *Воздушные пути. Проза разных лет*, Москва 1983, с. 201–202, 206–236, 240–241. Дальше все цитаты приводятся по этому изданию с указанием *Охранная...* и страницы в тексте.

Гитлера к власти им пришлось покинуть Германию. Они переселились в Англию. Отец Бориса активно участвовал в художественной жизни Европы (в Германии и в Англии). В 1927 г. в Берлине он организовал самостоятельную выставку своих картин.

В августе 1922 г. Борис Пастернак с молодой женой на несколько месяцев уехал в Берлин, где в это время проживали его родители и где тогда сосредоточилась жизнь русской эмиграции⁹. Там постоянно или временно проживали многие знакомые русские художники, прежде всего писатели. Пастернак включился активно в эту среду, встречался с Маяковским, Эренбургом, Зайцевым, Шкловским, Ходасевичем, Белым и многими другими (*Материалы...*, с. 372–379). Думал даже остаться в эмиграции. Но не решился. Переживал творческий кризис и считал, что преодолеть его сможет только на родине. Перед возвращением в марте 1923 г. он воспользовался возможностью посетить Марбург, освежить воспоминания, связанные с этим городом.

Со временем все труднее было выехать за границу. Нелегко было получить разрешение и паспорт. Не хватало тоже денежных средств. Но, по-видимому, у него не было и большого желания. Но он посылал туда жену с сыном (например, на шесть недель 1926 г. к сестре в Мюнхен (*Материалы...*, с. 478)).

В июне-июле 1935 г. по требованию организаторов его вопреки его желанию власти заставили поехать в Париж на Конгресс в защиту культуры. Там он возобновил знакомства с русскими художниками-эмигрантами (Марина Цветаева, Юрий Анненков), с Идой Высоцкой и познакомился с некоторыми видными представителями западной литературы (Андре Мальро).

Этими поездками ограничились его личные жизненные контакты с городами Западной Европы (Берлин, Марбург, Венеция, Париж), ее природой (в небольшой степени) и прежде всего культурой. Но он знал ее по другим источникам, общался с ней в Москве. Этому способствовали связи с элитой русского искусства.

Важным элементом контактов с Европой были знакомства с видными представителями западного искусства¹⁰. В первую очередь надо назвать

⁹ Л. Флейшман, Р. Хьюз, *Русский Берлин. 1921–1923*, Париж 1983. Б.П. Беленчиков, *Борис Пастернак и Германия 1906–1924 гг. Берлин, Марбург и ранние немецкие экспрессионисты в творчестве Б. Пастернака*, „Zeitschrift für Slawistik“, 1987, Bd. 32, Heft 5, с. 728–743.

¹⁰ Н. Gifford, *Pasternak and his western contemporaries*, [w:] *Boris Pasternak and his times*, Berkeley 1989, с. 13–31.

выдающегося австрийского поэта, Райнера Марию Рильке. Пастернак встретил его десятилетним мальчиком, когда в 1900 г. оказались в одном поезде. Пастернаки ехали к родственникам в Одессу, а Рильке к Льву Толстому в Ясную Поляну. Они были уже знакомы. Годом раньше Рильке посетил Леонида Осиповича в его мастерской (*Материалы...*, с. 46). Путешественники провели некоторое время вместе и родители Бориса побеседовали с Рильке (*Охранная...*, с. 191–192). Знакомство продолжалось в виде переписки.

Эта встреча произвела сильное впечатление на мальчика, он увлекся поэзией Рильке и в период своего дебюта одним из первых в России стал переводить его стихи. К этому вернулся в середине 20-х годов, когда усилилось чувство творческой близости. Тогда завязалась оживленная переписка Пастернака, Цветаевой и Рильке. Пастернак планировал встречу. Продолжению тесных творческих отношений помешала неожиданная, преждевременная смерть австрийского поэта в декабре 1926 г. (*Материалы...*, с. 416–417). Пастернак задумал статью о Рильке, знакомился с его творчеством и материалами о нем (*Материалы...*, с. 433–434). Вместо статьи памяти Рильке посвятил Пастернак свою автобиографию *Охранная грамота*. К его творчеству возвращался еще неоднократно. В частности, в разработке евангельских мотивов в стихах Юрия Живаго заметно влияние Рильке (*Материалы...*, с. 606–607).

В ноябре 1913 г. в Москву на две недели приехал крупный бельгийский поэт, друг Валерия Брюсова, Эмиль Верхарн. Леонид Осипович писал его портрет и попросил сына развлекать модель. Для начинающего поэта это было важным переживанием. Об этом он так вспоминает:

„Так пришлось мне занимать Верхарна. С понятным восхищением я говорил ему о нем самом и потом робко спросил его, слышал ли он когда-нибудь о Рильке. Я не предполагал, что Верхарн его знает. Позировавший преобразился. Отцу лучшего и не надо было. Одно это имя оживило модель больше всех моих разговоров. «Это лучший поэт Европы, – сказал Верхарн, – и мой любимый названный брат»¹¹. В восприятии Пастернака соединились личности и творчество двух выдающихся европейских поэтов, с которыми ему посчастливилось познакомиться.

После революции у Пастернака почти не было возможности личных встреч с европейскими писателями. Они редко посещали советскую Россию. Об одном визите стоит упомянуть. Власти приглашали известных

¹¹ Б. Пастернак, *Люди и положения. Автобиографический очерк*, [в:] idem, *Воздушные пути...*, с. 433.

западных ученых и художников и ожидали от них восхваления советского строя. Так в середине тридцатых годов посетил Россию французский писатель Анре Жид. Писатели встретились. Жида привезли на дачу Пастернака на 15 минут и тот – оказывается – предостерегал гостя перед увлечением Потемкинскими деревнями и образцовыми колхозами, которые ему показывали. После этого он опубликовал книгу *Возвращение из СССР*, в которой делился своими критическими наблюдениями, рефлексиями и оценками. Власти потребовали от русских писателей протестов. Пастернак не согласился подписать под предлогом, что книги не читал.

Контакты Пастернака с европейскими писателями и учеными оживились после публикации на Западе романа *Доктор Живаго* и получения его автором Нобелевской премии. Гости из Европы считали своим долгом оказать ему свою симпатию и поддержку. Почти все приезжающие в Москву обязательно планировали посещение Перedelкина. Так завязывались новые знакомства. Очень часто это продолжалось в виде переписки.

Важным элементом связи писателя с Европой были родственные контакты с родителями и сестрами. После 1923 г. им уже не удалось встретиться. Но Борис переписывался с родителями до их смерти (матери в 1939, а отца в 1945 г.), а потом с сестрами.

Интерес Пастернака к Европе и ее культуре нашел выражение в его творчестве. В своих произведениях он часто обращался к темам, проблемам, мотивам, связанным с европейской историей и культурой. Иногда героями произведений были западные художники, а события происходили в европейских странах. Под влиянием происходящих в России событий писатель увлекся темой Великой французской революции и задумал драму с этой эпохи. Его внимание и интерес привлекли события и их активные участники, руководители революции. Замысел остался неосуществленным, были написаны только отдельные сцены (*Материалы...*, с. 293).

В рассказе *Апеллесова черта*¹² автор интересно использовал два мотива европейского искусства. Наряду с вымышленным героем Релинквимини важную роль играет известный немецкий романтический поэт, Генрих Гейне. Действие происходит в итальянских городах Пизе и Ферраре. Все герои (кроме Гейне) носят итальянские имена. В сюжете сочетается мотив любви, соперничества в творчестве и творческого гения, оригинальности. Автор воспользовался преданием о двух древнегреческих

¹² М. Aucouturier, *Il tratto di apelle, manifeste litteraire du modernisme russe*, Communications de la delegation suisse (VI-me Kongres international des Slawists, Prague 7–13 aout 1968), Paris 1968, с. 157–161.

художниках-соперниках, Апеллесе и Зевксисе, которые по одной черте, оставленной на стене, узнали кто их посетил. Это своеобразно повторилось в девятнадцатом веке между соперничающим в любви и творчестве поэтами Гейне и Релинквимини.

С европейским искусством связан тоже сюжет другого раннего рассказа *История одной контроктавы*, в котором героем является талантливый немецкий органист¹³. В этом произведении отразились переживания и впечатления от пребывания в Берлине в 1906 г. (*Материалы...*, с. 90).

Исключительно важным элементом связи Пастернака с Европой были его переводы. Он был очень активным переводчиком. Прежде всего присваивал русской культуре творчество гениальных представителей немецкой и английской литератур. Способствовало этому знание языков (прежде всего немецкого, но тоже английского и французского). Но переводил тоже по подстрочникам (из польской, грузинской и некоторых других литератур). Эта область творчества играла важную роль в его жизни. Частично это было вынужденное и он жаловался, что переводы отрывают его от оригинального творчества. Долгие годы его не печатали, но пьесы в его переводах ставились в театрах и за тантъемы он мог содержать семью и помогать знакомым. По заказу переводил, в частности, драмы Шекспира, Гете, Шиллера и *Марию Стюарт* Словацкого.

Но Пастернак переводил тоже по желанию своих любимых авторов. Он начал эту деятельность в период дебюта и продолжал до последних лет жизни. Это относилось в первую очередь к упомянутому Рильке, но тоже к немецкому романтическому драматургу Генриху Клейсту. С перевода его романтической драмы *Разбитый кувшин* в период литературного дебюта начал Пастернак этот вид своего творчества (*Материалы...*, с. 216).

Переводя разных авторов, Пастернак нередко изучал их творчество, глубоко с ним знакомился. У него появлялись собственные мнения, рефлексии и оценки. Переводы нередко сопровождались замечаниями переводчика. Это в первую очередь относится к Шекспиру. Пастернак высказал ряд интересных мыслей о разных аспектах творчества английского драматурга, но тоже о переводимых пьесах (*Гамлет, Ромео*

¹³ Б. Пастернак, *История одной контроктавы*, публ. и вступл. Е.Б. Пастернак, „Известия АН СССР. Серия лит. и языка”, 1974, вып. 33, с. 150–161; Л.Л. Горелик, *Немецкие культурные и мифологические влияния в „Истории одной контроктавы” Пастернака*, „Известия АН СССР. Серия лит. и языка” 1999, т. 58, с. 5–6, 34–43.

и Джульетта, Отелло, Антоний и Клеопатра, Король Генрих Четвертый, Макбет, Король Лир).

Отдельные статьи посвятил Пастернак Клейсту и Поль Мари Верлену, которых тоже переводил по собственной инициативе. С современной европейской литературой Пастернак познакомился, просматривая в 1924–1925 гг. для заработка иностранные газеты и журналы в поисках материалов для библиографии по Ленину. В процессе чтения Пастернак познакомился с новейшей английской и французской литературой, сильное впечатление произвели не него Томас Харди, Джозеф Конрад, Джемс Джойс и Марсель Пруст (*Материалы...*, с. 405).

В Западной Европе Пастернака долгие десятилетия шире не знали. Не появлялись переводы его произведений. Почти не печатались статьи о нем и его творчестве. Немногочисленные публикации на русском языке в эмиграционной печати не доходили до европейских читателей. Немного лучше в этом отношении было в Польше и Чехии.

Положение резко изменилось после *Доктора Живаго* и Нобелевской премии. В ближайшие после этого годы появились десятки интересных статей, популярного и исследовательского характера. И это продолжается до настоящего времени. Библиография работ о жизни и творчестве автора *Доктора Живаго* насчитывает свыше двухсот книг и несколько тысяч статей. Если его жизненные связи с Европой по неблагоприятному стечению обстоятельств были ограничены, то его имя и творчество прочно вошли в сокровищницу европейской и мировой культуры.

Streszczenie

Europejskie związki Borysa Pasternaka

Borys Pasternak kontynuował i rozwijał rodzinne tradycje kontaktów z kulturą europejską, zwłaszcza niemiecką. Związki te miały charakter życiowy i twórczy. W dzieciństwie i młodości dwukrotnie przebywał po kilka miesięcy w Berlinie i studiował w Marburgu. Odwiedził wtedy Wenecję. W 1935 r. uczestniczył w kongresie w Paryżu. Przy tych okazjach nawiązywał znajomości z wybitnymi przedstawicielami kultury europejskiej i podtrzymywał je korespondencyjnie. Pasternak wniósł również duży i wartościowy wkład w adaptowanie do kultury rosyjskiej wybitnych dzieł literatury angielskiej (Szekspir), niemieckiej (Goethe, Schiller, Kleist) i m.in. polskiej (Słowacki).

Summary*The European Connections of Boris Pasternak*

Boris Pasternak continued and developed family traditions of contacts with European and especially German culture. These connections affected both his life and oeuvre. As a child and a young man he twice stayed for several months in Berlin and studied in Marburg when he also toured Venice; in 1935 he took part in a congress held in Paris. Upon the occasion of those sojourns Pasternak became acquainted with outstanding representatives of European culture and maintained the ensuing contacts via correspondence. His creative relations involved European themes, the location of the plot and the protagonists. He also made a great and valuable contribution to the assimilation by Russian culture of prominent works of German (Goethe, Schiller, Kleist), English (Shakespeare) and other literature, including Polish (Slowacki).